

Кириллов А. Догматическое учение о таинстве Евхаристии в творениях св. Ефрема Сирина // Богословский вестник 1896. Т. 4. № 11. С. 167–193 (3-я пагин.).

Догматическое учение о таинствѣ евхаристіи въ твореніяхъ св. Ефрема Сирина.

Какъ Св. Аѳанасій Великій служитъ представителемъ церкви и школы Александрійской, такъ Св. Ефремъ, „пророкъ Сирианъ“, діаконъ Ефесской церкви, является древнѣйшимъ представителемъ восточно-сирійской церкви и Едесско-Низибійской школы. И, хотя онъ не столько блисталъ обширною и многостороннею ученостію, сколько замѣчательнъ былъ по своей истинно-подвижнической и глубоко-поучительной жизни, тѣмъ не менѣе его творенія въ глазахъ вѣрующихъ пользовались необыкновеннымъ уваженіемъ, такъ что, по словамъ блаженнаго Іеронима, „въ нѣкоторыхъ церквахъ они читались всенародно послѣ книгъ Священнаго Писанія“¹⁾. Пророка Сирианъ можно назвать по преимуществу проповѣдникомъ сердечнаго покаянія и сокрушенія, соединеннаго съ величайшею любовію къ людямъ и отеческою снисходительностію къ человѣческимъ немощамъ²⁾; въ этомъ заключается главный предметъ его назиданій—поученій, бесѣдъ, гимновъ. Правда, не оставался равнодушнымъ онъ и къ догматическимъ вопросамъ, нерѣдко раскрывалъ ихъ особенно въ виду тѣхъ

¹⁾ Смотри „Книгу о знаменитыхъ мужахъ, написанную къ Декстру, преторіальному префекту“, СХV, стр. 338—въ русскомъ переводѣ при „Трудахъ Кіевской Духовной Академіи,—Авг. 1879 г. Ср. S. Greg. Nyss. ep. or. t. III, in laudem Ephr. Syr. col. 597, 601 и 616; равно—„Истор. уч. объ отцахъ церкви“—Арх. Чернигов. Филарета, ч. II, §§ 127—133, стр. 98—127; „Прибавл. къ твор. св. отцевъ“, 1848 г., чм., стр. 24—106: св. Ефремъ Сирианъ.

²⁾ „Плакать, говоритъ Григорій Нисскій (s. Ephr. Syr. oper. graec. et lat, t. I, col VII) для Ефрема было тоже, что для другихъ дышать воздухомъ. День и ночь проливалъ онъ слезы“.

или другихъ заблужденій, проявлявшіеся въ Сирской церкви. Что касается избраннаго нами предмета, то по справедливости можно сказать, что въ этомъ отношеніи творенія пророка Сириянь не представляютъ богатаго матеріала: въ нихъ мы находимъ сравнительно немного данныхъ касательно таинства евхаристіи. При томъ своеобразность выраженной св. Ефрема, глубокій лиризмъ, всюду замѣчаемая образность и фигуральность рѣчи нерѣдко затемняютъ ясную мысль и производятъ то, что пониманіе его истиннаго взгляда дѣлается довольно затруднительнымъ ³⁾.

Въ твореніи—*adversus Scrutatores*, показывая съ одной стороны, „какъ жалокъ и окаяненъ, а вмѣстѣ и весьма безстыденъ тотъ, кто хочетъ входить въ изслѣдованіе о своемъ Создателѣ“, а съ другой, что „у насъ есть путь познанія—въ божественныхъ писаніяхъ“, св. Ефремъ Сиринъ увѣщаетъ держаться послѣдняго и полагаться болѣе на свою вѣру; о себѣ же онъ прямо свидѣтельствуемъ, что „вѣруетъ въ Единороднаго Сына Божія въ простотѣ сердца, избѣгаетъ пытливости и всякаго посягательства, оскорбительнаго для Бога“ ⁴⁾. Также точно относится св. Ефремъ и къ другимъ предметамъ христіанскаго знанія и въ частности къ непостижимой тайнѣ св. причащенія. „Я, братіе моя, благоговѣйно говорилъ онъ въ заключеніе упомянутаго нами творенія, въ которомъ, между прочимъ, шла рѣчь и о св. евхаристіи, такъ какъ не могу понять Господнихъ тайнъ, не осмѣливаюсь идти далѣе, или вновь касаться сихъ страшныхъ и сокровенныхъ тайнъ. А если бы и захотѣлъ употребить

³⁾ Немногіе изслѣдователи касаются собственно ученія св. Ефрема объ евхаристіи и между ними нѣтъ согласія. Такъ Штайтцъ (*Jahrbücher für Deutsche Theologie*, 1865,—*Die Abendmahlslehre der griechischen Kirche*. § 18, S. 429—433) приходитъ къ заключенію, что, по его взгляду, настоящій объектъ евхаристическаго вкушенія не матеріаленъ, именно Духъ Святый, и что никакого реального присутствія Христа въ евхаристіи онъ не признавалъ между тѣмъ Селье (*Histoire générale auteurs sacrés et eccles.* t. VIII, col. 101—105), Ассеманъ (*Bibliotheca orientalis*, t. 1—5 Ephr. Syr. opera, graece et latine, t. I—III), Колий (*Kollii—introductio in historiam et rem histor. Slavorum*) авторъ статьи: „Нѣкоторыя черты изъ ученія св. Ефрема Сирива“ (Приб. къ твор. св. отецъ, 1849 г. ч. VIII, стр. 125—127) находятъ у него послѣднее.

⁴⁾ S. Ephraem. Syr. opera omnia, ed. Ios. Assemani, Romae, 1746; *Sermo adversus scrutatores*, t. III, col. 424.

дерзость и сталъ разсуждать о нихъ, то не въ состояніи буду постигнуть Божіихъ тайнъ, но окажется, что я дерзокъ, неразуменъ и сражаюсь только съ воздухомъ, хотя вовсе не могу осязать его по причинѣ тонкости, потому что онъ (тайны) выше моей природы. Напротивъ, лучше прославлю Бога Отца, благоволившаго чрезъ Единороднаго возлюбленнаго Сына Своего спасти меня недостойнаго грѣшника, *который вѣруетъ въ Него въ простотѣ сердца, избѣгаетъ пытливости и всякаго посягательства оскорбительнаго для Бога.* Я смертенъ, изъ персти и перстень, изъ перстнаго естества созданъ по благости; добровольно сознаю ничтожность естества своего и не хочу входить въ изслѣдованіе о Моемъ Создателѣ, потому что страшенъ Непостижимый по естеству. Благословляю Его владычество и поклоняюсь Ему во вѣки. Аминь“³⁾). Такимъ образомъ св. Ефремъ, по своему собственному свидѣтельству, вѣруетъ въ таинство въ простотѣ сердца; св. же вѣра внушаетъ ему, что въ евхаристіи дѣйствительно преподаются вѣрующимъ пречистое тѣло и драгоцѣнная кровь Господа нашего І. Христа, въ оставленіе грѣховъ. И замѣчательно: св. отецъ настойчиво убѣждаетъ въ необходимости такой вѣры и тѣмъ предрасполагаетъ думать, что онъ не отрицалъ истиннаго присутствія Христа Спасителя въ евхаристіи и реального вкушенія Его причастниками для послѣдія жизни вѣчной. Къ этому именно убѣжденію приводитъ все разсматриваемое нами мѣсто его твореній, хотя въ немъ и попадаются выраженія, напоминающія, повидимому, символическое представленіе о св. евхаристіи. Св. Ефремъ, указавъ единый истинный путь къ познанію божественныхъ тайнъ, св. вѣру, затѣмъ продолжаетъ: „со всею вѣрою, сердечными очами, зриай на Господа въ каждомъ мѣстѣ и во всякое время, съ сердечнымъ желаніемъ переходи за Нимъ изъ мѣста въ мѣсто. Если ему послѣдуешь и съ Нимъ ходишь, не прикоснется къ тебѣ зло и не приблизится къ тебѣ лукавый. Послѣдуй за Нимъ на ту вечерю, за которою Онъ предалъ ученикамъ Своимъ святыя тайны (*πρόδωκεν μυστήρια ἑνία*). Какъ благоразумный наблюдай, какъ и ноги омываетъ Своимъ ученикамъ... Всмотрись въ это, братъ,

³⁾ Ibidem.

и, прославляя, покланяйся Его благоволенію. *Обрати вниманіе, какъ благославляя хлѣбъ, преломляетъ его въ образъ собственнаго Своего пречистаго тѣла, и какъ опять благословляетъ чашу въ образъ крови, и даетъ Своимъ ученикамъ, — и будь сопричастникомъ Его тайнъ.* И изшедши оттуда, войди со своимъ Владыкою во дворъ беззаконнаго Каиафы...., послѣдуй за Нимъ и на крестное мѣсто...; смотри, какъ кровь и вода истекли изъ ребра Его, на искупленіе души твоей, братъ. Смотри внимательно, гдѣ Его полагаютъ, утренней съ женами на гробъ Его; узри ангеловъ предстоящихъ тамъ; слушай, что ангелы говорятъ женамъ: *возста Господь, якоже рече (Мк. 28, 6). Смотри на это, какъ благоразумный, совершенный, несомнѣнно вѣруя, что совершившееся — истинно.* Ибо если всего этого не созерцаешь ясно очами вѣры, то не можешь возвыситься съ земли на небо и духовно взирать на страданія Христа ¹⁾. Употребленныя здѣсь слова: „обрати вниманіе, какъ благословляя хлѣбъ, Онъ (Христосъ) преломляетъ его въ образъ собственнаго Своего пречистаго тѣла, и какъ опять благословляетъ чашу въ образъ крови (*ἐν τύπῳ τοῦ σώματος ἰδίου ἀκράντου... ἐν τῷ τύπῳ αἵματος*)“ не говорятъ еще съ необходимостію противъ реальнаго присутствія тѣла и крови Христа въ евхаристіи. Въ данномъ мѣстѣ ораторъ, перечисляя по порядку событія послѣднихъ дней въ земной жизни Искупителя, обращаетъ вниманіе вѣрующаго на тайную вечерю, за которою было установлено таинство евхаристіи. Тѣло Иисуса Христа еще не было тогда вознесено на крестъ, но не преломлялось и не раздавалось вѣрующимъ, кровь Его еще не была излита за спасеніе міра, а потому Спаситель за вечерю могъ преломить благословленный хлѣбъ только въ образъ жертвы, имѣвшей еще быть принесенною, жертвы собственнаго Своего пречистаго тѣла и драгоцѣнной крови, подобно тому, какъ

1) Ibidem — *Πρόσεξε, πῶς ἄρτον ἐβλόγων, κλάνει αὐτόν ἐν τύπῳ τοῦ σώματος τοῦ ἰδίου ἀκράντου καὶ τὸ ποτήριον πάλιν πῶς ἐν τύπῳ αἵματος ἐβλογεῖ, καὶ δίδωσι τοῖς ἐαυτοῦ μαθηταῖς—καὶ γενοῦ σιμμέτερος τῶν ἐαυτοῦ μιστηρίων.*

Attende, quomodo panem benedixit ac frigit in figuram immaculati corporis sui, calicemque in figuram sanguinis sui, benedixit, deditque discipulis: et esto tu quoque sacramentorum ejus particeps.

мы теперь приносимъ свою безкровную жертву въ воспоминаніе и образъ разъ на всегда совершенной крестной жертвы. Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, здѣсь только указывается на отношеніе евхаристіиной жертвы къ Голгооской, какъ основной, дающей бытіе первой. Не свидѣтельство о символическомъ взглядѣ св. Ефрема на евхаристию и слѣдующее, аналогичное съ разсмотрѣннымъ, мѣсто изъ его стихотвореній. Именно въ гимнѣ, направленномъ противъ „Манеса, Маркіона и слѣпаго Вардасена“, въ которомъ касается воскресенія мертвыхъ, между прочимъ, онъ пишетъ: „Если Господь повелѣлъ, чтобы хлѣбъ выходилъ, если позаботился, чтобы напрасно не пропадали и остатки его, если опасался, чтобы ничто не погибло изъ Его благословенія, — то тѣмъ болѣе Онъ повелѣлъ о тѣлахъ, чтобы собрались кости ихъ, получило смѣшеніе ихъ, и уста ихъ прославили Возстановившаго. Хлѣбъ Его безъ всякаго сомнѣнія свидѣтельствуется о нашемъ воскресеніи ¹⁾. Ибо если Онъ далъ благословеніе пищѣ, то сколь болѣе (дастъ) ѣдущимъ? Въ 12 хлѣбахъ, которые Онъ послѣ благословенія преломилъ, Онъ благословилъ и умножилъ 12 апостоловъ. *Но взявъ иной хлѣбъ и преломилъ, и этотъ, однако единственный, чтобы тѣмъ обозначитъ и единственное тѣло, происшедшее отъ Маріи.* Онъ обрадовалъ вдовицу, когда оживотворилъ умершаго сына ея. Если же истинно, что говорятъ глупые, будто тѣло отъ діавола, то Онъ возстановилъ зло и возвеселилъ діавола, и въ дочери Іапра, которую оживотворилъ, возстановилъ грѣхъ“ ²⁾. Повидимому, и здѣсь, подобно предшествующему мѣсту, говорится, что *хлѣбъ*, который благословилъ и преломилъ Спаситель, при установленіи таинства *служитъ только для обозначенія рожденнаго отъ Маріи тѣла Христова, есть только тѣло, figura ego* (сирское *roso—mysterium, typus*), а не

¹⁾ Тоже почти доказательство воскресенія нашихъ тѣлъ мы встрѣчаемъ у св. Иринея (*advers heret. lib. V*); см. А. Л. Катанскаго: „Догматическое ученіе о семи церковныхъ таинствахъ“, стр. 102 и слѣд.

²⁾ Dr. Gust. Bickel, — *S. Ephraemi Syri carmina Nisibena*, *capit. XLVI*, п. 8—11, col. 176. *Alium autem panem sumpsit et fregit, et eum quidem unicum, ut inde unicum quoque corpus ex Maria ortum denotaretur....* По другимъ читаемъ: „Онъ принесъ и преломилъ иной единственный хлѣбъ, того тѣла, которое происходитъ отъ Маріи“.

оно Само; и, слѣдовательно, заключаютъ отсюда нѣкоторыя ¹⁾, Ефремъ не разумѣлъ реального присутствія послѣдняго въ евхаристіи. Но противъ такого вывода, лучше всего горорить, на нашъ взглядъ, самое сравненіе. Св. Ефремъ ничуть не называетъ евхаристіи образомъ тѣла Христова въ собственномъ смыслѣ, но *имѣетъ въ виду лишь численное соотношеніе благословляемыхъ хлѣбовъ 12 и 1 съ тѣми предметами, которые обозначаются ими, т. е. 12 апостолами и 1 тѣломъ Христа* ²⁾, и болѣе ничего.

Вѣра, которой требуетъ далѣе св. Ефремъ въ разсматриваемой нами рѣчи *adversus scrutatores*, для отгнанія всякаго сомнѣнія, могущаго возникнуть относительно тайнъ, увѣренность, которую онъ желаетъ поселить въ насъ относительно того, что все тѣло І. Христа мы принимаемъ въ евхаристіи, ясно исключаютъ всякую образную мысль, то, что протестанты называютъ „образнымъ тѣломъ“; именно вотъ что читаемъ мы у него далѣе: *„Когда око вѣры, какъ свѣтъ, сіяетъ въ сердце у человека, тогда ясно, свѣтло и чисто созерцаетъ онъ и агнца Божія, за насъ закланнаго и даровавшаго намъ святое и пречистое тѣло Свое для вседневнаго причащенія, чтобы это причащеніе было намъ во оставленіе грѣховъ. У кого есть это око вѣры, тотъ ясно и свѣтло созерцаетъ Владыку, и съ убѣжденіемъ совершенной вѣры вкушаетъ тѣло непорочнаго Агнца, едиnorodнаго Сына небеснаго Отца, нимало не дѣлаясь пытливымъ о вѣрѣ Божіей; потому что вѣра Божія дѣйствительна въ насъ, созерцаетъ будущее и всегда называется вѣрою, а не пытливостью. Вѣруешь-ли, возлюбленный, что Единородный Иисусъ Христосъ ради тебя родился на землѣ во плоти? Итакъ, что же еще предаешься пытливости? Если любопытствуешь, то надобно назвать тебя не вѣрнымъ, но пытливымъ! Будь простодушно вѣрнымъ, со всюю вѣрою причитайся пречистаго тѣла Владычннго, въ полномъ убѣжденіи, что истинно вкушаешь снмого Агнца. Тайны Христовы—безсмертннй огонь. Посему не будь пытливымъ, чтобы не опалиться тебѣ въ причащеніи тайнъ. Патріархъ Авраамъ небеснымъ Ангеламъ*

¹⁾ Steitz, die Abendmahlslehre der griech. Kirche, § 18, S. 429.

²⁾ См. примѣч. къ разсм. стихотвор. въ изданіи Вилкеля, стр. 176.

предложилъ земныя яства, и они ѣли. Великое подлинно чудо—видѣть, какъ безплотные вкушаютъ на землѣ предложенныя въ снѣдь плоти. Но то, что сотворилъ для насъ Единородный Иисусъ Христосъ, Спаситель нашъ, то превосходитъ всякій умъ и всякое слово: онь и духъ даровалъ Онъ намъ тѣлеснымъ псть и питъ, то-есть, тѣло Свое, а также и кровь ¹⁾. Такія выраженія, какъ: „вѣтнно-вѣрующій свѣтло, ясно и чисто созерцаеть Агнца Божія, за насъ закланнаго и даровавшаго намъ святое и

1) Sancti Ephraem Syri opera omnia in sex tomos distributa,—graece et latine, ed. Ios. Assemani, Romae, 1746,—Seim. de iis, qui Filii Dei naturam scrutantur, aut adversus Scrutatores, t. II, col. 423—424. Приведемъ

болѣе замѣчательныя мѣста въ греко-латинскомъ переводѣ:

Ὁφθαλμός γάρ πίστεως ὄτ' ἂν λάμ-
πει, ὡς τὸ φῶς ἐν τῇ καρδίᾳ τινός,
τηλαυγῶς καὶ φωτινῶς θεωρεῖ εἰλικρι-
νῶς, καὶ τὸν ἀμνὸν τοῦ θεοῦ τὸν σφα-
γέοντα δι' ἡμᾶς, καὶ δωρησάμενον ἡμῖν τὸ
σῶμα τὸ αὐτοῦ τὸ ἅγιον καὶ ἀκράντον
εἰς μετάληψιν ἀεὶ, ὅπως ἔσται ἡμῖν ἡ
μετάληψις αὐτοῦ εἰς ἁμαρτιῶν ἄφεσιν·
τηλαυγῶς καὶ φωτινῶς θεωρεῖ τὸν δεσ-
πότην, καὶ πληροφορία τε τελείως πί-
στεως, ἐρθίει καὶ τὸ σῶμα τοῦ ἀμνοῦ
τοῦ ἀμόμου τοῦ μονογένετος υἱοῦ τοῦ
Πατρὸς τοῦ οὐρανοῦ· μηδαμῶς γινό-
μενον περιέργος τῆς πίστεως τοῦ
θεοῦ.... Μετάλαβε καὶ σώματος ἀκράν-
του δεσπότου μετὰ πάσης πίστεως πε-
πληροφορημένος, ὅτι αὐτὸν τὸν ἀμνον
ἐσθίεις εἰλικρινῶς· πρὸ ἀθανάτων ἔστιν
τὰ μυστήρια Χριστοῦ. Μὴ οὖν περιε-
γάζου, ἵνα μὴ κατακουθῆς εἰς μετά-
ληψιν αὐτοῦ. Ἀβραὰμ ὁ πατριάρχης
οὐρανοῦς ἀγγέλοις ἐδίεματα γήινα πα-
ραθήσας, ἔραγον· μετὰ θαῦμα ἀληθῶς
θεωρεῖν ἄσωμάτους ἐσθιοντας ἐν τῆς
γῆς ἐδέσματα σαρκῶν. Τοῦτο δὲ ὑπε-
ρβαίνει πάντα νοῦν τε καὶ λογὸν, ὃ
ἐποίησεν ἡμῖν ὁ μονογενὴς Ἰησοῦς
Χριστὸς ὁ Σωτὴρ ἡμῖν τοῖς σωματι-
κοῖς ἐσθίειν τε καὶ πίνειν, τοῦτ' ἔστιν
τὸ σῶμα αὐτοῦ, ὁμοίως καὶ τὸ αἷμα
αὐτοῦ...

Si quidem fidei oculus qui in corde
cujuspiam clare, ac liquide lucis in-
star effulferit pure quoque, atque syn-
cere Dei agnum contempletur, qui pro
nobis occisus, ac immolatus est, dona-
vitque nobis corpus suum sanctum et
immaculatum, ut eo vescamur: sitque
ipsius nobis participatio in remissio-
nem peccatorum. Hunc fidei oculum
qui possidet, manifeste, ac lucide intuetur
Dominum, et certa plenissimaque
fide sanctissimum agni immaculati uni-
geniti filii coelestis Patris corpus man-
ducat hand quoquam curiose divinam
sanctamque fidem perscrutans.... Partici-
pata immaculatum corpus et sangui-
nem Domini tui fide plenissima, certus,
quod, agnum ipsum integre comedas.
Ignis immortalis sunt mysteria Christi
cave ea temere scrutaris, ne in ipso-
rum participatione comburavis. Abraham
patriarcha coelestibus angelis terrenos
cibos apposuit. Ingens sane miraculum
est cernere spiritus in corporeos, in
terra carnum cibos manducantes. Sed
hoc profecto omnem excedit mentem,
omnemque sermonem, quod nobis fecit
unigenitus filius Christus Salvator nos-
ter. Ignem quippe et spiritum manda-
candem atque bibendum praestitit no-
bis carne vestitis, corpus videlicet su-
um, ac sanguinem.

пречистое тѣло Своє для всегдашняго причащенія, чтобы это причащеніе было намъ въ оставленіе грѣховъ“, — такою челоуѣкъ „сз убѣжденіемъ совершенной вѣры вкушаетъ тѣло непорочнаго Агнца, Единороднаго Сына небеснаго Отца“ — и требованіе св. пророка Сирянъ „*причащаются пречистаго тѣла Владычняго со всею вѣрою, въ полномъ убѣжденіи, что истинно вкушаешь самого Агнца*“ — невольно и принудительно располагають смотрѣть на него, какъ на представителя вѣры въ реальное присутствіе тѣла и крови Господа Христа въ евхаристіи и въ дѣйствительное вкушеніе ихъ вѣрующими въ этомъ таинствѣ для наслѣдія жизни вѣчной. — Не менѣе замѣчательно и приводимое св. отцемъ сравненіе двухъ чудесныхъ дѣйствій: вкушенія Ангелами предложенныхъ Авраамомъ яствъ и вкушенія нами предлагаемыхъ Сыномъ Божиимъ огня и духа, т. е. тѣла и крови Его. Последнее чудо, по словамъ св. отца, неизмѣримо выше: оно „превосходитъ всякій умъ и всякое слово“. Изъ настоящаго мѣста невидно, почему именно плоти и крови Христа Иисуса усваивается здѣсь названіе огня и духа. Мы знаемъ, что какъ въ предшествующее время, такъ и въ IV вѣкѣ было воззрѣніе, по которому кровь представлялась вмѣстилищемъ души=духа, почему иногда эти выраженія принимались за синонимы ¹⁾). Если допустить тоже самое и у св. Ефрема Сирина, то можно предположить, что, по его мнѣнію, въ евхаристіи Господь подаетъ намъ, плотскимъ, духовную пищу, сообщая свой духъ. И это, повидимому, соотвѣтствуетъ дѣлаемому имъ противоположенію двухъ чудесныхъ дѣйствій: тамъ безплотные вкушали плотскую пищу, а здѣсь мы, плотскіе, вкушаемъ духовную, или по крайней мѣрѣ, не плотскую. На этомъ основаніи мы можемъ предположить, что и тѣло Христа называется огнемъ именно по своей духовности, какъ маломатеріальнымъ представляется самый огонь; и, слѣдовательно, это слово здѣсь употреблено также въ значеніи — „духъ“. Выводъ, значить, будетъ опять тотъ же, къ какому пришли мы и прежде. Но въ чомъ же въ такомъ случаѣ преимущество нашего вкушенія предъ вкушеніемъ безплотныхъ Ангеловъ, которымъ предложена была

1) Срав. Евсевія Кесарійскаго.

плотская пища, о чемъ такъ прямо и такъ ясно говоритъ св. отецъ? Объясненіе возможно одно, хотя св. Ефремъ и не разъясняетъ этого. Надобно полагать, что подъ „духомъ“ здѣсь слѣдуетъ разумѣть не противоположность только плоти, а нѣчто несравнимо высшее. Замѣтимъ себѣ, что во всемъ разсматриваемомъ нами мѣстѣ св. отецъ говоритъ о вкушеніи тѣла и крови—именно „непорочнаго Агнца, единороднаго Сына небеснаго Отца“ особеннымъ указаніемъ на то, что вѣрующій „причащается тѣла Владычнлаго“, именно вкушаетъ самого Агнца“. И, значитъ, по мысли св. Ефрема, въ евхаристіи намъ преподается не только плоть и кровь Христа, но огонь и духъ Его, т. е. плоть и кровь обожествленныя, плоть живая и все животворящая, какъ онъ выражается въ другомъ мѣстѣ ¹⁾, и, слѣдовательно, чрезъ евхаристію мы дѣлаемся общниками Его божества. А такое пріобщеніе наше, именно вкушеніе божества естественно „превосходитъ всякій умъ и всякое слово“ и въ существѣ своемъ есть чудо, незмѣримо высшее, чѣмъ чудо вкушенія безплотными - Ангелами — плотской пищи. И что наше объясненіе болѣе или менѣе справедливо, подтвержденіемъ этого можетъ служить свидѣтельство самого св. Ефрема, что „огонь—есть образъ духа божественнаго“, или въ общемъ смыслѣ божества. Мы удивляемся, говоритъ онъ въ одной своей рѣчи, субстанціи огня, что она дѣлаетъ подобнымъ себѣ и, однако, неумалается и всюду остается равною себѣ...., вселяется въ хлѣбъ и съ водою смѣши-

1) Въ одномъ гимнѣ, дѣлая сравненіе между своимъ городомъ и Самаріей, по поводу освобожденія перваго отъ Персовъ, св. Ефремъ говоритъ: „въ Самаріи господствуетъ голодъ, въ тѣхъ же довольство. Въ Самаріи неожиданно проходитъ и случается довольство, въ тебѣ же неожиданно появляется горе. Тамъ снѣдается младенецъ и имъ поддерживалась жизнь, — у тебя же снѣдалось тѣло живое и все животворящее; вдругъ снѣдаемый спасалъ снѣдающихъ (in te autem edebatur corpus vivum et vivicans omnia; repente salvavit manducatus manducatores). Известно, что благій Богъ не хочетъ несчастій, которыя во всякое время поражаютъ людей, по причина нашихъ поражений грѣхъ нашихъ. Dr. Gust. Bekel, S. Ephremi Syri carmina Nisibena, — Lipsiae, 1866 ann., carm. III, col. 80, ep. ibidem, carm. XVIII, n. 12, col. 112: Non sufficit sacerdoti et nomini ejus, offerenti vivum corpus, purgam animum et mundare linguam et expurgare manus et clavum reddere totum corpus, sed omnino purus esse debet omni tempore, quia potitus est sicut mediator inter Deum et genus humanum.

вається, всецѣло овладѣваетъ всѣмъ, во что нисходитъ. *Познай въ огнь образъ Духа Божественнаго*; онъ смѣшивается съ водами, чтобы возвысить ихъ къ усыновленію, *проникаетъ и въ хлѣбъ, чтобы превратить въ жертву священнослуженія*, и представляется, что онъ всецѣло присутствуетъ во всѣхъ. И, однако, не можетъ быть, чтобы мы въ сотворенныхъ вещахъ имѣли абсолютный образъ божественной Троицы ¹⁾. Итакъ, огонь, по св. Ефрему, служить образомъ духа божественнаго, который проникаетъ, между прочимъ, и въ хлѣбъ, чтобы превратить (transferat) въ жертву священнослуженія. Такимъ образомъ здѣсь есть даже намекъ на преложеніе евхаристическихъ элементовъ: огонь все, во что онъ нисходитъ, дѣлаетъ подобнымъ себѣ, — и духъ божественный, проникая въ хлѣбъ, превращаетъ его въ жертву.

Мысль о томъ, что въ евхаристіи дается намъ огонь и духъ, нерѣдко встрѣчается въ твореніяхъ св. Ефрема. *„Въ хлѣбъ твоемъ, Господи“*, читаемъ мы въ одной изъ его рѣчей, ²⁾ *„скрывается духъ, который не сдается, въ винъ твоемъ пылаетъ огонь, который не пьется. Духъ въ хлѣбъ твоемъ и огонь въ винъ твоемъ, двѣ чудодѣйственныя вещи, которыя получаютъ нашими устами... Серафимъ не прикоснулся къ углю перстами своими, и уста Исаи только прикоснулись къ нему, одинъ не взялъ, другой не вкусилъ его. А намъ даровалъ Господь то и другое. Ангеламъ, существамъ духовнымъ, Авраамъ предложилъ тѣлесную пицу, и они вкушали. Новое теперь по истинѣ чудо, высшее того, произведенное намиъ Господомъ, когда намъ тѣлеснымъ приготовлена безтѣлесная пица и питье изъ огня и духа. Огонь гнѣва нѣкогда ниспосль на грѣшниковъ и пожралъ. Огонь Бога милующаго нисходитъ и пребываетъ въ хлѣбѣ. Вмѣсто того огня, поядающаго человѣка, вкушаете въ хлѣбѣ огонь и живы дѣлаетесь. Ниспалъ огонь на жертву Иліи и попалилъ; огонь*

¹⁾ S. Ephraem Syri opera Syriae et latine, t. III, adversus scrutatores sermo XI, col. 72. Divini Spiritus in igne figuram agnoscito, permiscetur; aquis, ut eas ad explationem elevet, pani se infundit, ut in hostiam Sacrificis transferat.

²⁾ S. Ephraem syri opera, syr et latine, Romae, 1743, 4 III, serm. X adversus Scrutatores, col. 23-24; cp. Assem. Bib.ioth., t. 1, col. 101.

милости есть для насъ жертва жизней. Огнь попалить ту жертву; а въ твоей жертвѣ, Господи, самъ свѣдается огнь Твой... Огнь и духъ въ чревѣ матери Твоей, огнь и духъ въ рѣкѣ, въ которой Ты крестился, огнь и духъ въ нашемъ возрожденіи; *въ хлѣбъ и въ чашь духъ. Хлѣбъ Твой умерщвляетъ того лютаго Геліона, который (по другимъ—ненасытность, котораго), сдѣлалъ насъ своимъ хлѣбомъ. Чаша Твоя истребляетъ смерть, которая, я вижу, пожираетъ нашъ родъ. Тебя, Господи, мы подимъ и пьемъ, не съ тѣмъ, чтобы Ты исчезалъ, но чтобы насъ возстановлялъ.*¹⁾ Если въ первомъ случаѣ здѣсь сказано, что „въ хлѣбѣ скрывается духъ и въ винѣ пылаетъ огнь“, то въ послѣдующей рѣчи употреблено наоборотъ: огонь нисходитъ и пребываетъ въ хлѣбѣ и духъ (не огонь) въ винѣ“. Послѣднее можно назвать болѣе постояннымъ образомъ. Принимая же во вниманіе это, а равно и вѣру св. отца въ реальное присутствіе тѣла и крови Христа въ евхаристіи, мы можемъ сказать, что, по его терминологіи, употребленные здѣсь слова; „огонь, хлѣбъ, тѣло“, съ одной стороны, и „духъ, вино, кровь“, съ другой, равнозначущи, и при томъ выраженіе „духъ“, судя по противоположности плоти Христовой, служитъ для обозначенія Его божества. И такимъ образомъ выходитъ, что, по нему, хлѣбъ евхаристіи въ существѣ своемъ есть плоть Христа, а вино—Его божество. Къ этому только нужно прибавить, что плоть и божество Слова въ евхаристіи находятся не въ разобщенности другъ отъ друга, однако, и въ неслитности, подобно тому, какъ и самъ Господь Иисусъ Христовъ есть истинный Богъ и вмѣстѣ истинный человѣкъ: „*Въ хлѣбъ и чашь*, говорилъ онъ, „*духъ*“ и заключилъ свою рѣчь словами: „*Тебя, Господи, мы подимъ и пьемъ*“. Значить, подаваемая намъ, существамъ тѣлос-

¹⁾ In pane tuo occultus in.eresc spiritus, qui non manducatur, ignis, qui non bibitur; ardet in vino tuo: in pane tuo spiritus, ignis in vino tuo, res duae opido admirandae, quas nostra perseperunt labia .. Novum nunc cerno miraculum illo praestantius, a Domino nostro factum, dum corporis incorporeus ex igne et spiritu paratur cibus et potus... Panis tuus immanem illum Helionem occidit, qui sum nos sceret panem: calix tuum mortem destruxit, quam video, nostrum vorasse genus. Etiam te, Domine, manducamus et bibimus, non tu deficiis, sed ut nos reficias.—Ibidem, col 24.—

нымъ, въ евхаристіи безтѣлесная пища есть собственно Господь нашъ Іисусъ Христосъ, въ ней мы дѣлаемся общниками Его божества. И слѣдовательно, добавимъ далѣе отъ себя, Христосъ, не смотря на Свою плоть, есть все-таки Богъ: мысль, которую всегда старался утвердить въ сердцахъ слушателей св. пророкъ Сириянь! Плодь такого причащенія истребленіе смерти и полученіе жизни, наше возстановленіе.—Что же касается начальныхъ словъ св. отца: „Въ хлѣбѣ Твоемъ, Господи, скрывается духъ, который не снѣдается; въ винѣ твоемъ пылаетъ огонь, который не пьется; духъ въ хлѣбѣ Твоемъ и огонь въ винѣ Твоемъ, двѣ чудодѣйственныя вещи, которыя получаютъ нашими устами“, то ими, быть можетъ, онъ хотѣлъ только выразить мысль о пребываніи божества—духа въ плоти—хлѣбѣ (въ хлѣбѣ скрывается духъ) и тѣснѣйшей связи плоти—огня съ кровію—виномъ, которое есть—духъ—божество (въ винѣ пылаетъ огонь); причащаясь хлѣба, мы вкушаемъ тѣло (а не духъ=божество, которое, по слову св. Ефрема, не снѣдается), а въ винѣ пьемъ божество (а не тѣло, которое не пьется), хотя въ тѣлѣ=хлѣбѣ и присутствуетъ божество=духъ и въ винѣ=крови=божествѣ—огонь=тѣло; тѣмъ не менѣе то и другое мы получаемъ своими устами, слѣдовательно, реально, дѣйствительно принимаемъ въ себя и плоть и божество Спасителя. Такое разграниченіе нашего общенія со Христомъ не должно удивлять насъ. Св. Ефремъ въ этомъ случаѣ былъ не единственнымъ лицомъ. И Кириллъ Іерусалимскій утверждая что въ Новомъ заветѣ намъ предложены хлѣбъ небесный и чаша спасенія, освящающія тѣло и душу, говоритъ, что хлѣбъ—тѣло Христа, соотвѣтствуетъ тѣлу человѣка, а Слово=божество=духъ—приличествуетъ душѣ.¹⁾ Наконецъ, стоитъ замѣтить и то, что св. евхаристія здѣсь прямо называется жертвою: „въ Твоей жертвѣ, Господи, самъ снѣдается огонь Твой“.

Въ одномъ мѣстѣ у св. Ефрема находимъ даже намекъ если не на пресуществленіе, (*transubstantiatio*), то по крайней мѣрѣ, на премѣненіе, или преложеніе (*transformatio*) видимыхъ элементовъ. Именно, въ объясненіе словъ пророка Іезекіиля: „Простре руку свою въ средину огня, су-

¹⁾ Ср. св. Кирилла Іерусалимскаго, *or. catech.* XXII, 5. col. 1100

щаго среди херувимовъ, и взя, и вѣде въ руцѣ облеченному во утварь, и взя, и изыде исполнить, что было повелѣно (Іез. 10, 7)¹, онъ пишетъ: „угліе огненное означаетъ тѣ въздаянія и наказанія за богоотступничество, какія при посредствѣ ангеловъ постигнуть безразсудныхъ. А также угліе огненное и мужъ облеченный во утварь, который исходитъ и разсыпаетъ угліе на народъ, служатъ образомъ священниковъ Божіихъ, *при посредствѣ которыхъ раздаются живые угли живаго и животворящаго тѣла Господа нашего.* И тѣмъ, что другой ангелъ простеръ руку, взявъ угліе и тотчасъ передалъ облеченному во утварь мужу, означается таинство, что *отъ самого священника не можетъ изъ хлѣба сдѣлаться плоть, но отъ иного; этотъ иной есть Духъ Святой; священникъ же, какъ посредникъ, только воздвигаетъ руки и своими устами возноситъ молитвы и прошенія, какъ умоляющій рабъ*“¹). Въ приведенномъ мѣстѣ св. Ефремъ совершителемъ таинства считаетъ собственно Духа Святаго; а въ священникѣ видитъ только посредника, который возноситъ молитвы и прошенія, какъ умоляющій рабъ. Самъ священникъ, по его слову, „не можетъ изъ хлѣба сдѣлать плоть“ Спасителя. Ясно такимъ образомъ, что по его представленію, въ евхаристіи происходитъ какое-то преобразование „хлѣба въ плоть“ (изъ хлѣба сдѣлать плоть) и это преобразование приписывается Духу Святому. Не видно, только, какъ слѣдуетъ понимать это преобразование. Несомнѣнно одно: св. Ефремъ допускалъ дѣйствительное присутствіе Христовой плоти въ евхаристіи съ преложеніемъ элементовъ.

Основное свое воззрѣніе на евхаристію св. Ефремъ не разъ выражаетъ и въ другихъ мѣстахъ своихъ твореній. Приведемъ замѣчательнѣйшія изъ нихъ. Въ объясненіе словъ Исаи: „и посланъ былъ одинъ отъ серафимовъ, и въ руцѣ

1) S. Ephraem syri opera, syr et lat., t. II, comm. in Jezech., c. X, col. 175. Rursus istae prunae lineisgue amctus vir illas extrahens, et super populum profundans, figura fuit Dei sacerdotum, per quos prunae vivonis et vivicantis corporis Domini nostri dispensantur; porro dum alter angelus manum porrigit prunas legit, et vino lineis induto mox tradit, mysterium inunit, non ab ipso sacerdote ex pane fieri posse corpus sed ab alio; hic autem est spiritus sanctus; sacerdotem itaque velut mediatorem solummodo manus attollere, labiisque preces et orationes, quasi supplicem servum offerre.—

своей имаше уголь горящъ, его же клещами взять отъ алтаря: и прикоснуса устнамъ моимъ и рече: се прикоснуса сѣю устнамъ твоимъ, и отъиметь беззаконія твоя, и грѣхи твоя очиститъ“ (Ис. 6, 6—7), онъ говоритъ: „Уголь означаетъ Еммануила, Который, послѣ того какъ соединился съ нашимъ тѣломъ, возьмется тѣмъ же тѣломъ, какъ клещами. А лишь только клещи коснулись устъ пророка, который изображаетъ собою насъ, какъ очистили они его отъ грѣха и нечистоты“ ¹⁾). По справедливому замѣчанію Ассемана ²⁾ „уголь у св. Ефрема означаетъ божество Слова, клещи же человѣчество; и какъ Исаія, который явился представителемъ всего рода человѣческаго, былъ очищенъ взятымъ углемъ, такъ и мы, принимая живое тѣло Христа въ евхаристіи, (чрезъ это дѣлаемся общниками Его божества), очищаемся отъ грѣховъ“. Такое пониманіе нимало не противорѣчитъ буквальнымъ выраженіямъ св. учителя и гармонируетъ съ его ученіемъ о благодатномъ таинствѣ, какое мы встрѣтили ранѣе. Тѣмъ же не менѣе Штайтцъ ³⁾, соглашаясь съ первымъ положеніемъ Ассемана, считаетъ капитальною съ его стороны ошибкою, то, что въ очищеніи посредствомъ угля онъ видитъ „дѣйствіе живаго тѣла Христа“ въ евхаристическомъ вкушеніи. По его мнѣнію, здѣсь только выражается общая мысль, именно, что всѣ спасительныя дѣйствія на душу человѣка происходятъ отъ Логоса, но для насъ они становятся явными, только благодаря Его двойственной—Божеско-человѣческой природѣ. Но въ данномъ случаѣ говорится вовсе не о дѣйствіи Слова на душу. Уголь ⁴⁾, взятый уже клещами = тѣломъ, т. е. воплотившееся Слово снова берется нашимъ тѣломъ, какъ клещами, и очищаетъ насъ отъ грѣха. Точно также Штайтцъ не считаетъ пужнымъ

1) Assemani Bibliotheca orientalis, Romae, 1719, t. I, comment. in Isaiam, col. 79.—Carbo Emmanilem significat, qui dum corpori nostro unitus fuit, in eodem corpore, tamquam forcipe, apprehensus est. Forceps autem quum labia Prophetae, per quem nos designamur, tetigisset, eundem ab iniquitate et immunditia purgavit.....

2) См. Ibidem, col. 79—80.

3) См. вышеупомян. соч.—Стр. 432—433.

4) Евхаристическій хлѣбъ по сирски въ литургическихъ памятникахъ и называется grumto=corbo. Renaudot, collectio liturg. orient., t. II, col. 63

относить къ евхаристіи и слѣдующее мѣсто, на которое указываетъ Ассеманъ, какъ на свидѣтельство вѣры Сирина въ истинное присутствіе Иисуса Христа въ евхаристіи. „*Ego* (т. е. Господа Христа) *тѣло новымъ способомъ смѣшивается съ нашими тѣлами и Ego чистѣйшая кровь вливается въ наши жилы*. Его голосъ касается также нашихъ ушей и взоръ нашихъ глазъ. *Самъ Онъ весь проникаетъ насъ всецѣло. И такъ какъ Онъ вполне возлюбилъ Свою Церковь, то не далъ ей, какъ соперницѣ (т. е. синагогѣ) манны, но самъ содѣлался для нея хлѣбомъ жизни, чтобы она питалась имъ“*¹⁾. Что значить: „тѣло Христа новымъ способомъ смѣшивается съ нашими тѣлами“? Не о воспріятіи ли въ воплощеніи человѣческой природы, не объ этомъ ли собственно смѣшеніи Его съ нами говорится въ настоящемъ случаѣ? Если первая половина даннаго мѣста еще можетъ выражать такую общую мысль, то вторая половина егоне легко мирится съ подобнымъ толкованіемъ. Въ ней идетъ рѣчь о Христѣ, какъ истинной пищѣ вѣрующихъ: Онъ является для своей возлюбленной церкви хлѣбомъ жизни, подобно тому, какъ въ ветхомъ завѣтѣ манна служила пищею для Израильтянъ. Недостаточно видѣть здѣсь указаніе на Слово, какъ живой хлѣбъ—для вѣры, такъ какъ св. Ефремъ прямо говоритъ здѣсь: *totus ipse* (i. e. *Christus*) *nos totos pervasit*“,—т. е. не по одной какой-либо сторонѣ, но всецѣло — какъ по своему человѣчеству, такъ и божеству, — Онъ проникаетъ насъ всесовершенно, и при томъ проникаетъ дѣйствительно новымъ (сравнительно съ воплощеніемъ) способомъ, именно — чрезъ устное принятіе Его нами (а не чрезъ Его воплощеніе) и посредствомъ освященнаго хлѣба и чашу благословенія. Правда, св. Ефремъ иногда называетъ св. евхаристію хлѣбомъ духовнымъ. Такъ въ одномъ словѣ онъ пишетъ: „наполнилъ некогда Иисусъ хлѣбомъ безчисленныя житницы (въ Египтѣ), но въ голодные годы онѣ опустѣли. Единый же истинный класъ (И. Хри-

¹⁾ *Assem. Bibliotheca orientalis, t I, col. 97. Corpus ejus nova ratione nostris corporibus immistum est: ipsius quoque sanguis purissimus in venas nostras diffusus. Ejus similiter vox, avres nostras, conspectusque oculos nostros percudit. Totus ipse nos totos pervasit. et quia ecclesiam suam dilexit nimis, non illi dedit aemulae ejus (hoc est synagogae) manna, sed ipse panis vitae factus est illi, ut ipsum comederet.*

стось) далъ хлѣбъ, хлѣбъ истинно небесный, который не истощается. Хлѣбъ, который преломилъ Единородный въ пустынѣ, истощился, хоть и много его было. *Преломилъ Онъ потомъ новый хлѣбъ, котораго не истощатъ никакое время, никакое теченіе вѣковъ.* Иждились семь хлѣбовъ, Имъ преломленныхъ, не стало и пяти, Имъ умощенныхъ. Одинъ хлѣбъ, Имъ преломленный, превзошелъ собою міръ (все сотворенное): ибо *чѣмъ больше онъ раздается, тѣмъ большимъ и обильнѣйшимъ становится.* Добрымъ виномъ наполнилъ Онъ водоносы, его черпали, и хотя много его было, но оно изчерпалось. Мало было питья въ поданной затѣмъ чашѣ, однако она имѣла величайшую и не опредѣленную никакими предѣлами силу. *Чаша, которая содержитъ въ себѣ одной всѣ вина, есть таинство въ которомъ находится Онъ Самъ.* Одинъ хлѣбъ, который преломилъ, безъ конца остается, одна чаша, которую Онъ смѣшала, никогда не исчерпается. *Хлѣбъ духовенъ, какъ духовенъ Тотъ, Кто даетъ его и доставляетъ духовную жизнь; всякій, кто принимаетъ его на подобіе тѣлъ, принимаетъ по-пусту и безъ плода. Это хлѣбъ благодати:* его получаетъ душа, какъ лекарство жизни. И если смертныя жертвы демонамъ совершаются и снѣдаются съ величайшею религіозностію; то сколь несравненно болѣе прилично, чтобы свято нами отправлялось таинство разумнаго священнослуженія. Всякій, кто принимаетъ участіе въ демонской жертвѣ, несомнѣнно дѣлается *daemoniacus*, такъ и всякій, кто принимаетъ участіе въ небесномъ хлѣбѣ, безъ сомнѣнія да будетъ *pebеснымъ (coelestis)*¹⁾. Цѣль св. Ефрема въ этомъ разсужденіи показать, что хлѣбъ, преломленный Христомъ, который никогда не истощается, а

1) S. Ephraem Syri opera, syr. et latine, t. II, in natalem domini—sermo III, col. 409.—Unus panis, quem fregit, mundo superavit; is enim quo largius dispensatur, hoc fit amplior et copiosior.... Exiguus fuit propinati postmodum calicis, potus, vim tamen habet maximam, multoque definitam limite. Calix est, qui omnia vina in se uno continent, *mysterium est, in quo idem ipse est.* Unus est panis, quem fregit sine mansurus, unus est calix, quem miscuit, nunquam exauriendus. *Panis est spiritualis, qualis est, qui dedit spiritualis idem,* spiritalem vitam impertit, quisquis illum adinstar corporum sumit, in vanum sumit et sine fructu. Panis est gratiae, hunc capiat anima quasi pharmacum vitae.

напротивъ, чѣмъ болѣе раздается, тѣмъ обильнѣе становится, не есть простой, обыкновенный хлѣбъ, и чаша, содержащая въ себѣ всѣ вина, которая имѣетъ величайшую и безпредѣльную силу, не есть простая, обыкновенная чаша. Этотъ хлѣбъ далъ единый истинный класъ І. Христось, — въ этой чашѣ растворилъ вино Самъ Спаситель нашъ. А чтобы не возникло недоумѣніе относительно того, какъ понимать хлѣбъ, остающійся безъ конца, и чашу, никогда неисчерпаемую, самъ св. Ефремъ какъ-бы предупреждаетъ всякое возраженіе и говоритъ: чаша, которая содержитъ въ себѣ одной всѣ вина, есть Онъ т. е. Иисусъ Христось (*mysterium, in quo idem ipse est*). Значить, Самъ податель сего чуднаго хлѣба и таинственной чаши, дѣйствительно, истинно составляетъ Собою то и другое, — Онъ Самъ реально пребываетъ въ таинствѣ и составляетъ собственно объектъ евхаристическаго вкушенія. А если такъ, если дѣйствительно — эта пища нескончаема и есть Самъ Господь Иисусъ Христось, то естественно она должна быть названа не иначе, какъ духовною, потому что духовенъ и безпредѣленъ Тотъ, Кто даетъ и вмѣстѣ составляетъ ее. И хотя св. Ефремъ говорилъ, обращая вниманіе на ея сущность, „что всякій, кто принимаетъ ее на подобіе тѣль, принимаетъ по-пусту и безъ плода; это хлѣбъ благодати: его получаетъ душа, какъ лекарство жизни, но этимъ онъ хотѣлъ только другими словами выразить мысль о ея духовности, т. е. что ее, какъ духовную, а не матеріальную, нельзя вкушать на подобіе остальной — плотской пищи; это хлѣбъ благодати.

При такомъ взглядѣ на евхаристію понятно внушеніе св. Ефрема приступить къ ней со страхомъ и трепетомъ. Такъ, касаясь въ одномъ изъ своихъ твореній подзаконной пасхи, Ефремъ вмѣстѣ съ тѣмъ разсуждаетъ объ евхаристіи. „Опрѣсноки, говоритъ онъ, которые надлежало снѣдать съ горькими травами, изображаютъ новое таинство Господне, въ горести и скорби пріемлемое причастниками. „Чресла ваша препоясана и сапоги ваши на ногахъ вашихъ“. Это изображаетъ новый сонмъ учениковъ, готовый идти и проповѣдывать евангеліе. „Жезлы въ рукахъ вашихъ“, это кресты на раменахъ апостоловъ. „И стоя на ногахъ вашихъ“, потому что *не прилично тѣло живое принимать сидя*. Вся-

кѣй пришлецъ да не ясть отъ него“: ибо некрещеный не вкушаетъ тѣла. „И кости не сокрушите отъ Него“. Ибо, хотя руки и ноги у Господа нашего пронзены были гвоздьми, и ребро прободено копіемъ, но кость не сокрушена у Него“ ¹⁾. Св. Ефремъ нерѣдко обозначаетъ евхаристію знаменательнымъ наименованіемъ: „живое тѣло“, какъ здѣсь ²⁾, или „тѣло Владыки“, какъ въ слѣдующемъ, напр. мѣстѣ. Восхваляя пустынножителей, онъ, между прочимъ, говоритъ: „они не отлучаютъ себя отъ стада, потому что суть чада св. Крещенія; не нарушаютъ закона, соблюдаютъ священство, сохраняютъ заповѣди; не противятся закону, будучи горячи вѣрою. *Когда честные іереи предстанутъ св. трапезъ совершать литургію; тогда первые они, простирая руки свои, приемятъ съ вѣрою тѣло Владыки, Который всегда есть и всегда съ нами.* Какъ голуби, парятъ они на высотѣ и скинии свои воздрузили на крестѣ ³⁾. „Блаженъ, кто очистилъ себя отъ всякой грѣховной скверны, чтобы съ дерзновеніемъ принять ему въ домъ свой Царя славы, Господа нашего Іисуса Христа. Блаженъ, кто со страхомъ, трепетомъ и благоговѣніемъ приступаетъ къ пречистымъ тайнамъ Спасителя, сознавая, что приемятъ въ себя неразрушимую жизнь ⁴⁾ Убѣждая своихъ

¹⁾ Ephraem Syri opera, syr. et lat., t. 1, comment. in exodum, c. XII, col. 213.... St antes super pedes suos, quia nefas est, sedentes accipere corpus vivum. Et omnis advena non comedet et eo, qui enim baptizatus non est, non manducat ex corpore.... По другому чтенію нѣсколько иначе и прямо указывается на евхаристію;.... „Никто сидя отъ него не смѣетъ“: ибо если Серафимы со страхомъ предстоятъ ему, кто осмѣлится вкушать его сидя? „Чужой да не ясть отъ него“, т. е. кто лишень крещенія. Черезъ пришельца же и наемника означаются еретики. А то, чтобы вы не выносили изъ дома ничего отъ плоти его“, означаетъ, что не должно быть вигъ церкви святаго священнослуженія евхаристіи. „Стоя на ногахъ вашихъ“, означаетъ, говорить, что неприлично брать живое тѣло сидя“. „Всякій пришлецъ не смѣетъ отъ него“, т. е. всякій, кто лишень крещенія, никогда не вкушаетъ отъ тѣла“. Bibl. orient., t. 1, col. 67. — Очевидно само собою, что рѣчь идетъ здѣсь объ евхаристическомъ вкушеніи.

²⁾ Ср. предыдущее примѣчаніе.

³⁾ I. Ephraem Syri opera graece et latine, t. 1, serm. in patres defunctos, col. 176.

⁴⁾ Ibidem, Beatitudines, cap. LV, n. 16, 17, col. 284.

Beatus, qui ad immaculata mysteria salvatoris cum timore, re-| *Μακάριος ὁ προσερχόμενος μετὰ φόβον καὶ τρέμον καὶ φόβῳ τοῖς*

учениковъ „со страхомъ и трепетомъ содѣвать свое спасеніе“, онъ обращаетъ особенное ихъ вниманіе, между прочимъ, на благоговѣйное стояніе въ церкви при совершеніи божественной литургіи и говорить: „стойте въ великомъ страхѣ и трепетѣ, ни съ кѣмъ тогда не сходясь, но какъ ангелы на небесахъ, „работайте Господеви со страхомъ и радуйтесь Ему съ трепетомъ“, плача, стеноя, умоляя, призывая отъ всего сердца, и прося, чтобы кто-нибудь не оказался недостойнымъ принятія божественныхъ тайнъ; но какъ говоритъ Апостоль Павелъ: каждый пусть испытываетъ самого себя, дабы не было ему въ осужденіе и умноженіе грѣха, ибо кто ѣсть и пьетъ недостойно, тотъ въ судъ себѣ ѣсть и пьетъ, какъ написано. Небо, земля и море и все, что въ нихъ, трепещутъ и преклоняются, какъ же ты безстыдно приступаешь? Чистые ангелы съ трепетомъ служатъ и, закрывая лица, не осмѣливаются взирать, а какъ ты и нечистый и нераскаянный не имѣешь стыда и не содрагаешься? Ты можешь увѣрить людей, но что скажешь Испытующему сердца? Итакъ, удались отъ грѣха, братъ, и плачь, и омой сосудъ свой, который ты осквернилъ грѣхами, и привыкни болѣе не грѣшить, и излечишься, ибо Богъ есть Богъ кающихся“¹⁾. Такъ говорить могъ только тотъ, кто твердо вѣруетъ въ реальное присутствіе Господа Иисуса Христа въ евхаристіи.

Вотъ тѣ немногія данныя, какія мы находимъ въ твореніяхъ св. Ефрема Сирина несомнѣнно подлинныхъ относительно таинства евхаристіи. Нѣкоторые изслѣдователи приписываютъ св. Ефрему еще двѣ рѣчи, специально посвященныя разсужденію „de sacra coena“, въ которыхъ содержится болѣе или менѣе обстоятельное ученіе объ этомъ таинствѣ, хотя другіе съ неменьшею, можно сказать, основательностію оспариваютъ подлинность ихъ. Не входя въ изслѣдованіе вопроса относительно принадлежности ихъ св. Ефрему²⁾, мы представимъ краткій анализъ самыхъ рѣчей и

verentia ac tremore accedit, certo
sciens se vitam in ipso recipere
seempiternam.

ἀρχαίοις μιστηρίοις τοῦ Σωτῆρος, τὴ
ἐπεγνωκώς ὅτι βίον ἀκατάλυτον ἐδέξατο
ἐν ἑαυτοῖς.

1) S. Ephraem Syri opera, graece et lat. t. III, de festis diebus, col. 12.

2) Колиі, нашедшіи упомянутыя рѣчи въ славянскихъ кодексахъ и издавшій ихъ въ свѣтъ на славянскомъ языкѣ (писанномъ латинскими

посмотримъ, находится ли содержащееся въ нихъ ученіе въ согласіи съ тѣмъ, которое мы нашли въ прежде разсмотрѣнныхъ нами твореніяхъ того же святаго.

Въ первой рѣчи, которая имѣетъ такое заглавіе: „Наказаніе о святыхъ и пречистыхъ и животворящихъ тайнахъ“,

буквами) съ латинскимъ переводомъ, считается за несомнѣнное, что авторомъ ихъ можетъ быть не иной кто, какъ св. Ефремъ. Въ пользу этого онъ выставляетъ слѣдующіе доводы: 1) сами Сирійцы свидѣтельствуютъ, что Ефремъ оставилъ не мало твореній *de sacra coena* (см. *Assem. bibl. orient.*, t. 1, col. 86); но ни одного цѣльнаго трактата, объясняющаго *Sacramentum sacrae coenae*, нѣтъ въ извѣстныхъ доселѣ изданіяхъ его твореній, между тѣмъ частныя положенія объ этомъ членѣ вѣры, разсѣяныя въ разныхъ мѣстахъ, аргументируются точно также, какъ и здѣсь, потому болѣе вѣроятіи относить эти рѣчи къ Ефрему; 2) всѣ особенности рѣчи, какія древнѣйшіе и новѣйшіе критики находятъ въ подлинныхъ твореніяхъ Ефрема, встрѣчаются и въ этихъ двухъ рѣчахъ. ибо онѣ ясны, живы, весьма способны къ возбужденію души читателя,—фигуры вопроса и восклицанія, столь частыя въ Ефремовыхъ твореніяхъ, встрѣчаются и здѣсь; потому нѣтъ основанія сомнѣваться намъ, что это не плодъ Ефремова ученія; 3) эти рѣчи подписываются именемъ Ефрема въ древнѣйшихъ славянскихъ и греческихъ рукописяхъ, хранящихся въ Московской Императорской бібліотекѣ, и 4) въ нихъ заключаются тоже самое ученіе какое встрѣчаемъ и въ остальныхъ твореніяхъ Ефрема. См. *Iohannis Petri Collii, Introductio in historiam et remistoriam Slavorum. Accedunt duo sermones Ephraemi Syri, nondum editi, de sacra coena. Altonaevae, 1729, col. 398—400.* Самыя рѣчи находятся на стр. 373—97—Напротивъ Ассеманъ оспариваетъ эти доводы. Во первыхъ, говоритъ онъ, въ греческихъ кодексахъ не можетъ содержаться такого заблужденія, „*ut unius naturae dicatur corpus ac divinitas*“ (какъ встрѣчается здѣсь); это отвергалось во всей греческой церкви. Во вторыхъ, мы согласны, что Ефремъ писалъ *de sacra coena*, согласны съ тѣмъ, что рѣчи были переведены на славянской языкъ изъ греческихъ кодексовъ, которые находятся въ Императорской Московской бібліотекѣ; однако, отрицаемъ, что эти двѣ рѣчи, особенно же послѣдняя изъ нихъ, подлинное произведеніе Ефрема. Если славянскія рѣчи подлинны, такъ какъ заимствованы изъ греческихъ кодексовъ, то почему Колий (col. 280) *maximam partem eorum, quae in tertio Vossii tomo extant, pro Supposititiis reputat*, хотя заимствуемое имъ переведено изъ греческихъ кодексовъ, хранящихся въ бібліотекѣ Германіи, Англии, Галліи, Итали? Неужели только Московскій кодексъ не возбуждаетъ сомнѣній, тогда какъ всѣ другіе кодексы сомнительны? *S. Ephraemi Syri opera, graece et latine, Romae, 1746 г., t. III, Iosephi Assemani ad Ang. Mar. Quirininum epistola, cap IX: de duobus Havonicis Sermonibus qui Ephraemo de Sacra coena tribuuntur, col. LVI—LVII.* Конечно, и противъ такихъ доказательствъ можно сказать много соображеній, подрывающихъ ихъ силу и убѣдительность.

авторъ послѣ нѣкоторыхъ разсужденій, не относящихся прямо къ евхаристіи, начинаеть свою рѣчь объ этомъ таинствѣ укоромъ слушателямъ за неодобрительное поведеніе ихъ въ Церкви и разговоры во время „службы страшныя и трепетныя трапезы“, при чемъ описываетъ величіе совершающагося и говоритъ: „о, великое чудо! Агнецъ Божій за тебя закланъ, отъ св. трапезы истекаетъ огонь. Серафимы предстоятъ и херувимы парятъ. Шестокрылатые закрываютъ свои лица и всѣ силы небесныя вмѣстѣ съ іереемъ молятся за тебя. *Огонь духовный сходитъ, кровь Хриетова вливается въ таинственную чашу за твое очищеніе*“. И затѣмъ спрашиваетъ: не стыдишься ли ты, человѣкъ, и не осуждаетъ ли тебя совѣсть, когда ты и одного часа въ недѣлѣ не можешь удѣлить на служеніе Богу? „И какъ смѣешь ты приступить къ тому божественному и страшному огню съ такою скверною? Неужели бы ты осмѣлился приступить и взяться за царскую ризу, когда руки твои въ гною? Думаю, нѣтъ, *Не якоже хлѣбъ видиши, или вино, и тако мниши осуша; ни, братіе мои, не помышляй тако. Молитвою бо іереевою и сошествіемъ Святаго Духа творится убо хлѣбъ сей плотию и вино—кровію*. И эта пища не похожа на остальную человѣческую нищу, но подобно тому, какъ видишь восковую свѣчу, иссушаемую огнемъ, и никакихъ остатковъ отъ воска не остается: такъ бываетъ и при семъ таинствѣ. Пбо *все расходится по всему тѣлу и разрѣшается въ самое существо* ¹⁾). Раскрываемыя здѣсь мысли о нисхожденіи огня=плоти, о сошествіи Духа Святаго по молитвѣ священника, о влитіи крови въ чашу, не представляютъ собою ничего новаго сравнительно съ тѣмъ, что мы нашли въ несомнѣнно под-

1) См. Ios. Petri Kollii—Intr. in hist. et rem histor. Slavorum, Serin. de sacra coena. S. Ephr. Syr., col. 373—377. Въ латинскомъ переводѣ Ассемана (S. Ephr. opera, graece et lat., t. III, Romae, 1746), col. 608:— Ne putes quem hic panem, quodque vinum vides, eadem haec existere. Minime frater: nolito hoc credere. Precibus sacerdotis, sanctique spiritus adventu panis fit corpus, vinum sanguis. Neque enim ut alius cibus sese habet in hominibus, ita hic quoque. Sed quemadmodum candelam ceveam ita exedi ac consumi flamma vides, ut nullae particulae in cera reliquantur: sic cum hoc mysterio quoque comparatum est. Totum enim in totum corpus (scit. hominis) abit (se digerit) nique ejus substantiam quasi resolvitur.

линныхъ творенiяхъ св. Ефрема. Исключенiе составляютъ только послѣднiя слова, заключающiя въ себѣ мысль о превращенiи въ наше существо всего, сообщеннаго въ таинствѣ, безъ остатка, на подобiе тающаго отъ огня воска. Въ этомъ сравненiи находится какъ бы указанiе на новый способъ, посредствомъ котораго тѣло Христа смѣшивается съ нашими тѣлами и Его чистѣйшая кровь вливается въ наши жилы, или на то, какъ „Самъ Онъ (т. е. Христосъ) весь проникаетъ насъ всецѣло“ ¹⁾. Затѣмъ авторъ продолжаетъ: „безплотные Серафимы горящими углями очистили Исаюю. Огонь не одну природу имѣетъ въ себѣ, но двѣ, потому что состоитъ изъ дерева и огня: такъ и хлѣбъ сей святой состоитъ не изъ одной природы хлѣба, но и божественной. Ибо плоть (Христа), которая одного естества съ божественнымъ, заключаетъ не одно естество, но два. И такъ, приступающiе христіанцы, мы принимаемъ это страшное причащенiе не какъ отъ челоувѣка, или отъ священника, но какъ отъ самого того Серафима съ огненною лжицею, что видѣлъ Исаія“ ²⁾. По видимому, здѣсь заключается разъясненiе того, почему св. Ефремъ Сиринъ употреблялъ выраженiе „огонь“ для обозначенiя хлѣба евхаристiи, или, что тоже, плоти Христовой, сообщаемой вѣрными въ таинствѣ св. причащенiя. Понимаемая такимъ образомъ, мысль эта представляетъ собою нѣчто новое въ сравненiи съ ученiемъ несомнѣнно—подлинныхъ творенiй св. отца и состоитъ въ слѣдующемъ: 1) огонь, по его слову,==дереву и собственно огню, слѣдовательно, имѣетъ двѣ природы, хотя онъ и одинъ; 2) хлѣбъ сей святой также==хлѣбу и божеству, хотя опять онъ одинъ; ибо и 3) плоть, хотя она собственно одно съ Божествомъ, конечно, въ лицѣ Слова—плоти, но и она==

¹⁾ Assem. Bibl. orient. t. I, col. 97, cp. S. Iohan. Chrysost. op. t. II, 1 de poenitentia, hom. IX, col. 345.

²⁾ S. Ephraem Syri op. graec. et. lat., t. III, col. 608—609. Corporibus caventes Seraphim ardentibus carbonibus Isaiam sanctificabant. Ignis vero non unam habet naturam sed duplicem, ligno enim constat et flamma. Non aliter sacer panis non una dauea natura cotnsat, et flamma. Non aliter sacer panis non una panea natura constat, sed et divina. Corpus enim (scilicet Christi) quod unius naturae est cum divina, non una natura gadet, sed duplici.

плоти (человѣчеству) и Божеству, „не одно естество, но два“ ¹⁾). Послѣ этого авторъ, приведши на память исторію установленія самаго таинства, доказываетъ живость и дѣйственность всемогущаго слова Божія, изъ ничего создавшаго все и дѣлаетъ такое заключеніе: „Богъ сказалъ: сія есть плоть Моя и сія есть кровь Моя и творите въ мое воспоминаніе. Итакъ, все дѣлается всемогущимъ Его повелѣніемъ, пока не придетъ, согласно съ Его словомъ: дождеду прииду. И какъ дождь, ниспадая на землю, тотчасъ возвращаетъ траву, такъ и св. сей дождь, т. е. *Духъ Святой, призываемый молитвою священника, посылъивъ Своєю силою, творитъ хлѣбъ сей плотию и вино кровію*. Ибо какъ въ началѣ Богъ, творившій все, творилъ то силою св. Духа, такъ и нынѣ творитъ дѣйствіемъ св. Духа и *творитъ все сверхъестественнымъ образомъ, такъ что и домыслиться никто не можетъ, развѣ только върою*. Святая Дѣва сказала Архангелу: какъ это будетъ, когда я не знаю мужа? Гавріиль же отвѣчалъ ей, говоря: „Духъ Святой найдетъ на тебя и сила Вышняго осѣнитъ тебя“. Ты теперь спрашиваешь: *какъ хлѣбъ можетъ быть плотію Христовою?* Итакъ, я тебѣ говорю: *Духъ Святой творитъ это Своимъ пришествіемъ, до чего человѣчскій умъ домыслиться не можетъ*. Да, возлюбленные мои братія, *мы принимаемъ ту святую плоть и ту животворящую кровь не иначе, какъ примикимъ своими устами къ ребру Господню и отъ него вкушая“* ²⁾). Слово окан-

¹⁾ Такое пониманіе словъ св. отца устраняетъ всякую мысль о его неправости, даже еретичествѣ, вытекающемъ изъ словъ, что „плоть Христа одного естества съ Божествомъ“, какъ это показалось Ассеману, для котораго настоящее мѣсто, между прочимъ, служитъ однимъ изъ доводовъ считать разсматриваемую рѣчь не принадлежащею св. Ефрему.

²⁾ S. Ephraem Syri opera, graec. et lat., t. III, col. 609... Cumque pluvia in terram decedente, gramen revirescat; tum vero et spiritualis haec pluvia hoc est spiritus sanctus, sacerdotis precibus ipsiusque efficacia accedens panem hunc corpus et vinum sanguinem aperte efficit. Quemadmodum emin Deus principio quoque creans, spiritus sancti virtute ea procreavit, ita et hodiernum omnia virtute spiritus sancti supernaturali modo facit, quod nemo tamen nisi per fidem intelligit. Dicente enim ad Archangelum sancta Virgine, quomodo hoc mihi eveniat, quae nullius viri notitiam habeo? respondebat Gabriel, spiritus sanctus in te superveniet, virtusque altissimi te obumbrabit. Similtier quaerens jam quomodo panis corpus Christi

чивается затѣмъ нравственнымъ приложеніемъ, именно: а) убѣжденіемъ—стоять въ храмѣ чинно, богобоязненно, приступать къ причащенію со страхомъ и б) призваніемъ къ покаянію и исправленію жизни. Въ данномъ мѣстѣ снова со всею ясностію и въ полномъ согласіи съ мыслями и представленіями св. Ефрема Сирина, даже нерѣдко его словами, выражается вѣра автора въ претвореніе даровъ, совершаемое силою Святаго Духа. Сверхъестественное это дѣйствіе совершается творческимъ словомъ Божиимъ, для котораго все возможно. Святая Дѣва зачала безъ сѣмени мужскаго—(отъ наитія Духа Святаго). Тотъ же Святой Духъ и нынѣ въ евхаристіи творитъ хлѣбъ тѣломъ Христовымъ, а вино—кровою. Здѣсь ново только обозначеніе совершающагося въ евхаристіи претворенія дѣйствіемъ сверхъестественнымъ, совершающимся, по молитвѣ священника, наитіемъ св. Духа, всемогущимъ повелѣніемъ Слова; ново и послѣднее сравненіе нашего причащенія плоти и крови Христа съ приикновеніемъ устами къ Его ребру, т. е. особенность представляетъ только образъ, употребленной авторомъ для обозначенія „manducatio oralis“.

Вторая рѣчь имѣетъ главнымъ предметомъ своимъ показать, что въ евхаристіи мы дѣйствительно вкушаемъ плоть и кровь Христа и вмѣстѣ рѣшить вопросъ: *„почему св. тѣло Господне преподается намъ подъ видомъ хлѣба“*. Въ ней разсказывается о „нѣкоторомъ братѣ“, поддавшемся сначала искушенію діавола. Во время воскресной службы онъ не пошелъ по обычаю въ церковь, рѣшивши, что нѣтъ нужды идти туда и принимать хлѣбъ и вино, какъ тѣло и кровь Христа. Замѣтивъ его отсутствіе, остальная братія подумала, не боленъ-ли онъ, и пошла навѣстить его. Къ своему удивленію, она нашла его совершенно здоровымъ. Долго не хотѣлъ онъ сказать пришедшимъ дѣйствительной причины своего поступка, но потомъ сознался. Послѣдніе убѣдили его идти съ ними въ церковь и помолиться, чтобы Господь вразумилъ. Тотъ согласился и послѣ разсказалъ,

---

fiat? en sic habeto. Spiritum sanctum adventu suo hoc efficere, quod humana mens capere non potest. Immo vero, fratres mei, non aliter, mihi credite, accipimus sanctissimum Christi corpus, ac si ora nostra ad costas Domini admoventes ex iis bibamus.

какъ дѣйствительно Господь вразумилъ его. Во время великаго входа, когда проносились божественныя тайны, онъ видѣлъ небо отверсто, сходящій огонь и множество ангеловъ, а вверху „мало отроча“, окруженное двумя лицами, свѣтъ которыхъ, какъ молнія. Ангелы стали кругомъ трапезы, а два лица и отроча вверху трапезы. И лишь только наступилъ моментъ преломить хлѣбъ предложенія, тѣ „два лица, яже бѣста вверху святой трапезы, связавши рукъ и нозъ отрочате, еже бѣ вверху ихъ, и имѣста ножъ и заклаша отроча, и изліши кровь его въ чашу, яже бѣ вверху св. трапезы, и, раздробивше тѣло его, положиши вверху хлѣба, и бысть хлѣбъ тѣло. И когда братія приближались взять хлѣбъ, имъ давалось тѣло, а послѣ того, какъ они скажутъ: аминь, оказывался хлѣбъ въ рукахъ ихъ“. „А когда пришелъ я, говоритъ онъ о себѣ, дано было мнѣ тѣло, и я не могъ принять его. И слышала тогда голосъ, говорившій мнѣ: человекъ, почему ты не принимаешь? и отвѣчалъ я: будь милостивъ ко мнѣ, Господи—не могу принять тѣла. И опять сказалъ мнѣ голосъ: *аще бы могъ человекъ тѣло примати, тѣло бы ея и обрѣтало, якоже ты обрѣтълъ еси, но никтоже можетъ тѣла примати, сего ради повель Богъ быти хлѣбомъ предложенія.* И если вѣруешь, прими то, что имѣешь въ рукѣ. Лишь только сказала я: вѣрую, Господи, во время произнесенія слова: „аминь“—тѣло, бывшее въ моей рукѣ, оказалось хлѣбомъ, и я съ похвалою Богу принялъ святую просфору. Послѣ же видѣлъ опять отроча посреди тѣхъ двухъ лицъ, когда соборъ кончилъ пѣніе и клиръ собрался вмѣстѣ. Затѣмъ во время потребленія даровъ видѣлъ покровъ церковный отверстымъ, ангелы возносились на небо, а отроча опять было между тѣхъ двухъ лицъ. Услышавъ это, братія, многое умиленіе приѣмше, отошла въ свои кельи, прославляя Бога Отца“¹⁾. Основная

¹⁾ Ibidem., sermo secundus de oblatione, scilicet *προσφορῶν* santissimi panis, col. 610—611. Accedenti mihi corpus praebebatur: quod cum tangere non auderem: vocem hanc personantem audiebam, cui non hoc, homo, vis accipere? nonne hic idem est, quem tu quaerebas? Atqui ego, ignosce mihi quaeso, Domine, rerspondebam, qui corpus hoc tuum capere non possim. Iterum tunc vox pesonabat, dicens; si corpus accipere homo posset: corporeum etiam illum inveniret, quem tu invenisti. Iam vero fieri non potest,

мысль всего этого разсказа понятна: авторъ хочетъ показать, что вѣрующій, причащаясь евхаристіи, дѣйствительно принимаетъ честное тѣло и пречистую кровь Господа Иисуса Христа, не смотря на то, что—повидимому—ему дается только хлѣбъ и вино. Разсказъ объ этомъ необычайномъ случаѣ имѣлъ главною своею цѣлію именно вразумить поколебавшагося въ вѣрѣ брата относительно реального вкушенія въ евхаристіи плоти и крови Христа, но онъ не имѣлъ своею задачею уяснить самый способъ, или образъ претворенія даровъ. Въ немъ обращаетъ на себя главное вниманіе указаніе на причину, почему Богъ благоволилъ, чтобы вѣрующіе принимали тѣло Господне подъ видомъ хлѣба. Вразумляемый братъ, говорится здѣсь, видя въ рукахъ своихъ тѣло, не могъ принять его и молилъ Господа быть къ нему милостивымъ, въ отвѣтъ на что и услышалъ голосъ: „если бы человѣкъ могъ принимать тѣло, то тѣло бы и было; но такъ какъ никто не можетъ принять тѣла, поэтому Богъ повелѣлъ, чтобы предлагался на алтарь хлѣбъ“, слѣдовательно, евхаристійное тѣло, по взгляду автора, есть дѣйствительное тѣло, и только кажется намъ хлѣбомъ, такъ какъ иначе человѣкъ, по своей слабости, не могъ бы принимать его. Но ни такого разсказа, ни такого объясненія мы не встрѣчаемъ въ несомнѣнно подлинныхъ твореніяхъ святаго Ефрема, хотя, съ другой стороны, въ нихъ и нѣтъ ничего противорѣчащаго другъ другу по мысли.

Результатъ изслѣдованія.

Св. Ефремъ, не считая возможнымъ, по сознанію собственнаго безсилія, входить въ изслѣдованіе непостижимой тайны, которую онъ видитъ въ евхаристіи, полагаетъ за лучшее руководствоваться одною вѣрою, почему неудивительно, что въ его твореніяхъ нѣтъ полного, а тѣмъ болѣе систематическаго раскрытія ученія объ этомъ церковномъ таинствѣ. По существующимъ же у него даннымъ можно съ несомнѣнностію заключать, что онъ 1) видѣлъ въ евхаристическомъ хлѣбѣ истинное тѣло Христово и въ винѣ

---

ut corpus quis accipiat. Ordinavit igitur Deus, ut sacer panis altari imponatur.

истинную кровь Христову, 2) смотрѣль на эту пищу по преимуществу какъ духовную, потому что 3) вѣрующіе чрезъ ея вкушеніе удостоиваются божественнаго естества, которое проникаетъ весь ихъ организмъ, получаютъ залогъ духовной жизни, 4) призывалъ измѣненіе предложенныхъ даровъ наитіемъ Св. Духа, по молитвѣ священнослужащаго, и, 5) требуя отъ приступающихъ къ причащенію нравственной чистоты, говорилъ, что этого дара удостоиваются одни крещеные. Судя же по двумъ славянскимъ рѣчамъ, мы должны добавить, что онъ, хотя и не раскрывалъ своего ученія въ подробностяхъ, тѣмъ не менѣе съ настойчивостію утверждалъ, что Духъ Святой, по молитвѣ іереса, своимъ сошествіемъ истинно претворяетъ хлѣбъ евхаристіи въ плоть, а вино въ кровь Христову, вслѣдствіе чего и вѣрующіе на самомъ дѣлѣ принимаютъ тѣло и кровь Господа Іисуса Христа, хотя, повидимому, имъ дается только хлѣбъ и вино; послѣднее объясняется тѣмъ, что человекъ не могъ-бы принимать прямо тѣла.

А. Кирилловъ.
